Вопросы философии. 2017. № 4. С. 170–180

Курс А. С. Лаппо-Данилевского “О теории ценности” (опыт реконструкции)*

А. В. Малинов

В статье на основе рукописи академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) “О теории ценности” предпринимается попытка реконструировать содержание и структуру проводившихся им в Санкт-Петербургском университете в 1913–1914 гг. занятий по аксиологии. Лекции и семинары Лаппо-Данилевского строились по историко-философскому принципу изложения материала. Больше всего внимания ученый уделял разбору аксиологического учения немецких неокантианцев. Статья предваряет публикацию фрагментов курса лекций Лаппо-Данилевского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. С. Лаппо-Данилевский, теория ценности, аксиология, неокантианцы.

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

a.v.malinov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14 мая 2016 г.

Цитирование: *Малинов А. В.* Курс А. С. Лаппо-Данилевского “О теории ценности” (опыт реконструкции) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 170–180.

Имя академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) хорошо известно в истории русской науки. Фактически руководя работой историко-филологического отделения Академии наук, он много сделал для становления и развития, прежде всего, исторических дисциплин. Не случайно Лаппо-Данилевский считается основателем научной школы источниковедения и дипломатики. Однако уже современники воспринимали ученого не только как историка, но во многом как теоретика исторической науки и философа. По своим философским взглядам Лаппо-Данилевский был близок к неокантианскому направлению, вместе с С. И. Гессеном он входил в петербургскую редакцию журнала “Логос”, выступил одним из учредителей Философского общества при Санкт-Петербургском университете (1897). Однако в исследованиях по истории русского неокантианства его имя, как правило, не упоминается. То же можно сказать и о большинстве обобщающих трудов по истории русской философии, упускающих философское наследие ученого. Конечно, причиной этого по большей части является его принадлежность к ученой корпорации историков, а не философов. И хотя этот момент формальный, он оказался решающим при изучении и оценке работ ученого. Ориентация на немецкое неокантианство наложила глубокий отпечаток на все творчество Лаппо-Данилевского и, прежде всего, на его теоретические и философские труды.

Опираясь в собственных философско-исторических работах на неокантианство и позитивизм, Лаппо-Данилевский отчасти заимствовал терминологию и методы этих учений, на основе которых пытался разработать оригинальную

* Работа подготовлена в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015).
© Малинов А.В., 2017 г.

философско-историческую концепцию, называемую им методологией истории. Оговорка “пытался” означает здесь лишь то, что сам ученый не считал свою работу завершенной и до конца жизни переписывал и перерабатывал “Методологию истории”. В результате “Методология истории” Лаппо-Данилевского была издана трижды. Первый раз литографским способом в 1909 г., второй раз двумя выпусками с единой пагинацией в 1910 и 1913 г. и в третий раз уже после смерти ученого в 1923 г. Причем три издания “Методологии истории” представляют собой не три редакции одного текста, а три самостоятельных исследования. Наиболее полным является издание 1910–1913 г. Заглавие труда, “Методология истории”, было продиктовано тем, что с 1906 г. Лаппо-Данилевский читал в Санкт-Петербургском университете на историко-филологическом факультете трехгодичный курс с таким названием, который посещали не только историки, но и философы, экономисты, юристы и студенты других факультетов. Содержание курса и опубликованных версий “Методологии истории” выходило далеко за пределы одной из вспомогательных исторических дисциплин. Под методологией истории Лаппо-Данилевский прежде всего подразумевал теорию исторического познания, что соответствовало и неокантианским установкам его философских поисков. В то же время сам ученый ставил перед собой задачу не просто раскрыть гносеологические основы историографии, но и дать обоснование “теории обществоведения”. Этим планам ученого не суждено было осуществиться, и мы можем говорить лишь о самых общих контурах его “теории обществоведения”.

Неокантианская составляющая философии Лаппо-Данилевского наиболее отчетливо заметна в его “Методологии истории”, в то время как отношение историка к позитивизму было более пристрастным. Лаппо-Данилевскому, в частности, принадлежал критический разбор социологии О. Конта в сборнике “Проблемы идеализма” (1902). Подробное сопоставление теории Лаппо-Данилевского с концепциями немецких неокантианцев было проведено в диссертации В. В. Беруса [Берус 1998].

Примером философских занятий, которые проводил Лаппо-Данилевский, может служить “семинарий” “О теории ценности” (1913–1914). Занятия, вероятно, предполагали как лекции самого Лаппо-Данилевского, так и доклады студентов. В фонде историка, находящегося в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, сохранился план “практических занятий по аксиологии”, записи лекций Лаппо-Данилевского и тезисы некоторых докладов участников семинара. План состоял из четырех разделов: “Учение о ценности”, “Система ценностей”, “Главнейшие разновидности аксиологических суждений и оценок в отдельности”, “Приложение к истории”. Темы занятий по преимуществу формулировались по историко-философскому принципу. Так, первый раздел “Учение о ценности” состоял из двух подразделов: “А) Учение о ценности преимущественно с теоретико-познавательной точки зрения” и “В) Учение о ценности с психологической точки зрения”, каждый из которых распадался на параграфы со сквозной нумерацией по всем разделам. В первом подразделе “А)” было пять параграфов: “Учение о суждении, особенно отрицательном в связи с понятием о познавательной ценности”, “Общее учение об абсолютных (или обоснованных) ценностях. Трансцендентальное построение. Риккерт, Jessing, Urban”, “Учение о ценностях с логической и психологической точки зрения, в связи с этическими ценностями. Мейнонг” (в рукописи название третьего параграфа зачеркнуто), “Эмпириокритическое построение в связи с эстетическими ценностями”, “Прагматическое построение в связи с ценностью действования. Гизетти”. Причем последний параграф дополнялся еще двумя пунктами: “Утилитаризм. Бентам, Милль и пр.” и “Учение о ценности в метафизическом смысле”. Второй подраздел “В)” включал три параграфа: “Эмоциональная теория. Ehrenfels, Begehren”, “Волюнтаристическая теория. Мейнонг, Kreibig” (в рукописи заглавие параграфа зачеркнуто), “Смешанная теория аффективно-волитивная. Urban, Тэнтель”. Второй раздел “Система ценностей” насчитывал четыре параграфа: “Münsterberg (с философской точки зрения)”, “Maier (с теоретико-психологической точки зрения?)”, “Штейнц, Энгельгардт”, “Болдырев”. Третий раздел “Главнейшие разновидности аксиологических суждений и оценок в отдельности” снова делился на два подраздела:

“a) Основные ценности” и “b) Сложные ценности”. Подраздел “a)” включал параграфы: “Познавательная ценность. Риккерт, Пуанкаре”, “Этические ценности. Кант и др. Krueger”, “Эстетическая ценность. Eisler, Cohn, Wilasek”. К подразделу “b)” Лаппо-Данилевский относил: “Религиозные ценности. Reischle, Bergner, Peillaube, Джеймс” и “Экономические ценности. Simmel, Mengel, Neumann, Schmoller...”. Последний раздел, “Приложение к истории”, остался без расшифровки. Параграфы в рукописи имели сплошную нумерацию, но она не была выдержана, и отдельные номера параграфов повторялись. Сохранившиеся рукописи Лаппо-Данилевского лишь отчасти позволяют реконструировать содержание этого плана.

Темы студенческих докладов и их исполнители располагались в следующем порядке: 23–30 сентября 1913 г. “Суждение” (Т. И. Райнов), 7, 13 октября 1913 г. “Кант, неокантианцы” (Т. И. Райнов), 28 октября 1913 “Гуссерль, Джессинг” (Иванов, зачеркнута фамилия Вознесенский), 2 или 9 декабря 1913 г. (в рукописи указано две даты) “Декарт, Риккерт” (А. А. Дроздецкий), “Мейнонг” (дата и докладчик не указаны), 4, 11 ноября 1913 г. “Христиансен, Эйслер” (Г. П. Соколов), 25 ноября 1913 г. “Джеймс” (Страдецкий), 20 января 1914 г. “Бентам” (Н. Д. Кондратьев), 27 января, 3 февраля 1914 г. “Гартман” (И. И. Гапанович), “Ehrenfels” (дата и докладчик не указаны), 10, 17 февраля 1914 г. “Kreibig” (М. И. Левин), 24 февраля, 3 марта “Urban” (Собсович, зачеркнута фамилия Войнович), “Мюнстерберг” (дата и докладчик не указаны), “Майер (Maier)” (дата и докладчик не указаны).

В фонде Лаппо-Данилевского в другом деле имеются два доклада Г. Д. Гурвича “Телеология в философской системе Германа Когена” [Гурвич 1916[а], 5–13] и “Телеология в учении Риккерта” [Гурвич 1916[б], 14–14 об.], которые, вероятно, были также сделаны на занятиях под руководством Лаппо-Данилевского, но в другом учебном году.

Не все из участников семинара по аксиологии у Лаппо-Данилевского оставили заметный след в науке, но о некоторых все же стоит упомянуть особо. Тимофей Иванович Райнов (1890–1958) – историк науки, науковед, философ, психолог, литературовед, экономист, социолог, востоковед, библиотекарь, библиограф, автор известной монографии о науке в России, автор пионерских работ по науковедению и наукометрии [Илизаров 2013, 50–54]. Ему же принадлежит и ценное описание методологического семинара Лаппо-Данилевского, в котором Т. И. Райнов принимал участие на протяжении пяти лет [Райнов 1915, 44–57]; Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – выдающийся экономист, создатель теории экономических циклов. Вместе с Лаппо-Данилевским Н. Д. Кондратьев принимал участие в организации Русского социологического общества им. Ковалевского. Он был секретарем учредительного собрания общества, на котором Лаппо-Данилевский был избран председателем [Долгова 2011, 135–142; Долгова 2013, 67–70]. Н. Д. Кондратьев предпринял одну из первых интерпретаций философии истории своего учителя [Кондратьев 1915, 105–124]; Иван Иванович Гапанович (1891–1971) – выдающийся историк, этнограф, профессор Национального университета в Пекине (1931–1953), а затем в Канберре (Австралия), автор исследования “Русская историография за пределами России. Введение в исследование русской истории” (Пекин, 1935); Аркадий Андреевич Дроздецкий преподавал историю, в 1920–1922 гг. был директором Первой Единой трудовой школы (бывшей Царскосельской Николаевской гимназии); Георгий Давидович Гурвич (1894–1965) – выдающийся социолог, правовед, философ, в 1920 г. эмигрировавший из России.

Материалы самого Лаппо-Данилевского представляют записи разной степени полноты и завершенности, поэтому они могут быть воспроизведены лишь в виде фрагментов. Записи отражают не все разделы первоначального плана, тем не менее они позволяют проследить общий ход рассуждений Лаппо-Данилевского. Избрав историко-философское изложение, ученый приводил различные точки зрения на ценности и оценки, их виды и т.п. Сохранившиеся фрагменты не везде дают возможность уточнить, с какими из рассматриваемых учений соглашается Лаппо-Данилевский, где он пишет от себя, а где только воспроизводит чужое мнение.

Большая часть рукописи “О теории ценности” посвящена психологическим учениям о ценности и оценке, предполагающим отказ от восприятия ценностей как самостоятельных сущностей. Это означает, что ценность понимается субъективно и ставится в ряд таких проявлений человеческой субъективности, как смысл, значение, чувство, желание, воление. “Ценность – есть нечто чисто субъективное”, – констатировал Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 6]. Он подробно останавливался на теории одного из учеников Ф. Брентано Х. Эренфельса. “В основе его формулировки, – писал историк, – лежит понятие об *эмоциональном состоянии*” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 7]. Х. Эренфельс рассматривал ценности как функцию воления и представление о таком волении [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 6]. Лаппо-Данилевский отмечает характер таких представлений, их содержание, свойства (наглядность, живость, полнота). Согласно Х. Эренфельсу, в основе воления лежит чувство; оно же определяет направление выбора и интенсивность воления. “Т[аким] о[бразом] воление наступает лишь при наличии чувства. Само воление напротив *самостоятельного* значения не имеет” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 7]. По существу это означает пассивность воли, зависящей от чувства, которое вызывает восприятие предмета. Здесь, замечал Лаппо-Данилевский, анализ смешивается с генезисом.

Благоприятность данного чувства зависит от того, можно ли его приурочить к эмоциональной склонности данного субъекта. Отсюда выводится понятие “эмоциональной склонности”, которое Лаппо-Данилевский пояснял посредством математических символов и моделировал посредством математических формулировок [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 8].

В силу присущей индивиду психической организации ему может быть свойственна определенного рода склонность к определенным же чувствам. Эмоциональная склонность, уточнял Лаппо-Данилевский, влияет на направление воления и его интенсивность. На эмоциональную склонность, в свою очередь, оказывает воздействие разум, направляя выбор цели, к которой устремлено действие воли, и определяя средства для ее достижения. Однако возникает вопрос: могут ли вызывать эмоциональную склонность, фактически формирующую оценку, только достижимые цели? Лаппо-Данилевский близок к положительному ответу. Только субъективно достижимая цель вызывает чувство и соответствующую ему оценку. В качестве пояснения ученый приводил случай, произошедший с ним ночью 20 ноября 1904 г., т.е. за десятилетие до того курса, в который он включил эти воспоминания. В рукописи этот фрагмент имеет заголовок “Вплетение в действительность”. “Сегодня я проснулся в 3 $^1/_2$ ночи и стал думать об эвдемонической оценке; после того, как я несколько поразобрался в мыслях, нахлынувших мне в голову и заметив, что уже часов около 5, я стал думать о том, что пора бы заснуть и тут приметил какой-то скрип, часто повторяющийся и м[ожет] б[ыть] способствовавший моему пробуждению. Я думал, что он происходит снаружи во дворе, от какой-нибудь двери, колеблемой ветром и т.п. и отнесся к этому факту равнодушно; но вскоре за тем мне пришла в голову мысль, что скрип происходит от [неясное слово] в детской, и я сейчас же почувствовал некоторое раздражение.

Ясно, что в данном случае последняя мысль и была вплетением данного факта в мою субъективную действительность: я сознал, что мог бы предотвратить скрип и могу его остановить; отсюда и отрицательная оценка обнаружившаяся в моем раздражении” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 11]. Квартира, в которой происходили описываемые события, располагалась в знаменитом доме Академии наук (угол 7 линии Васильевского острова и Новониколаевской набережной, ныне набережной Лейтенанта Шмидта), куда семья Лаппо-Данилевского переехала 22 мая 1904 г.

Приведенный пример показывает, как происходит переход от понятия ценности к оценке. Впоследствии Лаппо-Данилевский преимущественно пишет уже об оценке.

Желая показать, каким образом разум, помимо эмоциональной склонности, воздействует на волю (в данном случае откладывая, задерживая действие), ученый приводил еще один пример, на этот раз из статьи В. Водовозова “Политические партии

в Германии – реформа 1904 г.". "В эпоху великой французской революции – революционеров было значительно меньше 1/3 населения; но революция наступила благодаря воле сравнительно малой кучки.

Теперь в Германии 1/3 населения за социалистов (социал-демократию); но именно сознание того, что социал-демократическая партия составляет 1/3 (она представлена в рейхсрате, что известно из избирательной статистики (путем разума, науки), только в виде 1/5) – удерживает население от волевых актов, направленных в пользу революции (социал-демократической)" [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 12].

Дальнейшее исследование вопроса об оценке требует выяснения того, что же все-таки оценивается: предмет или вызываемое им чувство? В сохранившихся фрагментах Лаппо-Данилевский приводил аргументы (вероятно, вслед за Х. Эренфельсом) в пользу того, что оценивается не сам предмет или чувствование, а представление о чувстве [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 13–16]. Чувство входит в содержание нашего представления и в нем переживается. Здесь же Лаппо-Данилевский ссылался на работу A. Pfaender *Die Phaenomenologie des Wollen*.

В содержание представления как объекта оценки входят: 1) действительно представляемое; 2) могущее быть, a) в виде повторения ранее испытанного, b) в виде возможного в будущем. Объектом оценки является представление чего-то реального, означающее связь представления с вызываемым им эмоциональным настроением (наслаждением или страданием). "С такой точки зрения объектом оценки становится не представление вообще, а ассоциация между данным представлением и связанными с ним чувствованиями или представление о такой ассоциации, если *я* сознаю эмоциональность, то только путем отвлечения от переживаемого в данный момент" [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 18]. Однако такой ход мысли вызывает новые вопросы, а не проясняет ситуацию с оценкой. Если сознание эмоциональности означает "отвлечение от переживаемого", то приводит ли оно к завершению или перерыву переживания? Можно ли выйти за пределы представления, которое оценивается? И можно ли говорить об оценке как о метапозиции по отношению к представлению?

В разделе "Психологическое построение понятия оценки" Лаппо-Данилевский указывал на виды суждений [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 21] и виды оценок, а также пытался провести формализацию оценок [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 23, 24]. Рассматривая отличие оценки от эмоционального переживания, он пришел к выводу, что между ними нельзя установить однозначную связь. Чувство удовольствия не влечет необходимо положительную оценку, так же как и чувство неудовольствия не обязательно вызовет отрицательную оценку. Причина этого состоит в том, что оценка связана не с чувством, а с действием воли. Оценка – волевой акт [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 31]. Оценивается не само чувство, а представление о нем [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 26]. Исследователь подробно излагал затруднения, с которыми сталкивается теория оценки, когда она ищет опору в эмоциональных состояниях [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 26–29]. Она не способна ответить на вопрос: как, если мы говорим об оценке в субъективном смысле и пытаемся выявить корреляцию между оценкой и эмоцией, можно перейти к ценности? Лаппо-Данилевский отмечал, что эмоциональная теория не в состоянии установить основную природу нормативных оценок, поскольку они основаны на признании нормы, которая, в свою очередь, предполагает и признание должного. Должное же невозможно представить без воли. Здесь необходим переход от категории чувства к категории воли. Из эмоциональной сферы не выводимо должное и нормативность.

Перенос акцента в осмыслении оценки с эмоции на волю открывает перспективу определения оценки в горизонте объекта. В субъекте воля, чувство и представление даны в единстве. Выделить одну из них можно только теоретически или аналитически, хотя ни одна из них не может преобладать в субъекте. "С такой т[очки] зр[ения] нет нужды выяснять генезис воли" [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 32]. Лаппо-Данилевский в равной мере пользовался терминами *воля* и *воление* и приводил варианты

их толкований: потенциальная энергия, “боевой запас”, чувство усилия и апперцепция (в удержании представления), “внутреннее самоопределение – внешняя необходимость (Декарт, Кант). Отсюда примиримость признания, как самостоятельного элемента, с детерминизмом” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 32]. Субъективность оценки опознается не в ее привязке к чувству, а в той активности, которую проявляет субъект, во многом формируя, определяя и само представление. “*Я хочу*, чтобы мое представление было таким, каким я его утверждаю или: *Мне нравится* и т.д.” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 32]. Обоснованию связи оценки с волей Лаппо-Данилевский посвятил несколько страниц [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 33–38, 41, 44–46]. Что же все-таки оценивается: представление, переживание, чувство? Лаппо-Данилевский ссылается здесь на “Феноменологию” А. Пфендера, согласно которому представление является предметным содержанием сознания. Представление включает и сознание “в узком смысле”, и чувство, а через них выходит и к данности предмета. Ученый сравнивал эмоциональную и волевую теории [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 48, 50, 51], склоняясь больше в пользу волевой теории. Однако предметная данность, с которой имеет дело оценка, – это не объект вообще, “а в смысле представления оценивающего субъекта” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 53]. В то же время и о субъекте Лаппо-Данилевский писал в конкретном смысле, т.е. как о субъекте в данный момент или о “я”, представляющем в психическом отношении единство сознания и действия (воли).

Рассматривая познавательно-психологическое направление, Лаппо-Данилевский касался теории Ф. Брентано и А. Мейнонга. О концепции Ф. Брентано он писал: «Учение об абсолютной ценности (+ и –), о которой мы судим по чувствам “любви” или “ненависти” можно было бы считать переходной от понятия о±U в теоретико-познавательном смысле к понятию о±U в психологическом смысле» [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 55].

Критикуя теорию А. Мейнонга, он отмечал: “Мейнонг понимает ценности не в *абсолютном* их значении (вневременно и внепространственном, сверхиндивидуальном и проч.), а в *относительном* смысле” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 57]. Для А. Мейнонга ценности субъективны, не вневременны и не внепространственны. Отсюда его колебание в понимании аксиологии в смысле *нормативной* или только *эмпирической* науки (применительно к этике) [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 57]. Лаппо-Данилевского не устраивали шаткие критерии оценки, приводимые австрийским философом. Неясным остается и то, идет ли речь о представлении об идеальном субъекте или “нормальном субъекте нашего времени”, оценивающем объект. Он указывал на связь у Мейнонга психологического учения о ценности с “экзистенциальными чувствованиями” (т.е. чувства реально существующего), которые, как полагает Лаппо-Данилевский, уже требуют вынесения суждений, т.е. рефлексивной дискурсивной практики. “Каждый из нас оценивает и то, что *не существует*, след[овательно] нельзя связывать понятие оценки (Werthaltung) *исключительно* с экзистенциальными чувствованиями” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 60]. А. Мейнонг также исключает эстетические чувства из аксиологии. Лаппо-Данилевский снова возвращался к вопросу о недостаточности чувства для оценки. Чувство пассивно, а оценка – волевой акт. “Чувства – лишь мотивы воли”, – приписал он карандашом на полях [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 62]. Значение теории А. Мейнонга русский ученый признавал для уяснения понятий “о полезности и потребности”. А. Мейнонг лишь указывает на затруднения и нерешенные проблемы в понимании ценностей, чем и побуждает к дальнейшим размышлениям.

Около двух десятков страниц рукописи Лаппо-Данилевского составляет исторический очерк “Главнейшие моменты в развитии понятия о ценности”, который начинается с краткого указания на учения античности. В древней философии, отмечал Лаппо-Данилевский, ценности придавалось объективное значение, добавляя, что учение об идеях Платона приближалось к признанию абсолютных ценностей.

Аристотель писал о добре как абсолютной цели. Добро само по себе является абсолютной целью. Добро является не средством, а целью самой по себе. Это означает

самоудовлетворенность абсолютной ценности. “Всякая ценность, – ссылался Лаппо-Данилевский на “Никомахову этику”, – получает смысл лишь сама по себе (абсолютная) или *относительно* другой (абсолютной) – иначе ценность – простое переживание” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 95].

Платон и Аристотель, замечал Лаппо-Данилевский, давали критику гедонизма. Для Платона благом являются красота, познание, гармония души. Аристотель полагает, что человек стремится к познанию и нравственному совершенствованию, а не только к удовольствию. “Никто не согласился бы оставаться *ребенком*, хотя бы под условием в высшей степени наслаждаться детскими удовольствиями и что никто не станет радоваться продолжительному деланию чего-либо весьма *постыдного*, хотя бы он и был уверен, что оно не принесет ему никакого страдания” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 81]. Цель человеческой жизни в стремлении к блаженству, а не в наслаждениях. Лаппо-Данилевский упоминал как идею блага у Платона, так и учение стоиков о ценности с этической точки зрения.

В интерпретации И. Канта Лаппо-Данилевский ссылался на Г. Хёффдинга и Я. Ф. Фриза (Лаппо-Данилевский 1913–1914, 90), а учение последнего излагал на основе “Истории философии” В. Виндельбанда (Лаппо-Данилевский 1913–1914, 92–93). У Я. Ф. Фриза он, в частности, усматривал связь утвердительного или отрицательного суждения с оценкой; практическое определение идей в зависимости от понятия о “необходимой ценности” и достоинстве человеческой личности. Проблему ценности у И. Канта Лаппо-Данилевский разбирал на основе его второй “Критики”. Он отмечал: “Условие предметности – по *значению* своего *не* есть то психическое, чем оказывается сам предмет. [Необходимо] различать функцию от функционирования, отношение (=единство) от отнесения.

Познавательная ценность – есть то, что имеет систематическое значение.

Моральная – деятельность с точ[ки] зр[ения] одного только (нравственного) сознания вообще.

Эстетическая – многообраз[ный?] рассудок – в гармонии с воображением” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 125].

Критически Лаппо-Данилевский отзывался о теории Н. Гартмана. “Гартман, – писал он, – дает скорее учение о трансцендентной реальности, чем трансцендентного реализма. Сам Г[артман] чуть ли не смешивает термины – трансцендентный и трансцендентальный. У Гартмана метафизика-онтология поглощает теорию познания” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 99]. В то же время русский ученый указывал, что на Н. Гартмана значительное влияние оказали теории Платона, Лейбница, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра.

Из других учений о ценности Лаппо-Данилевский упоминал Г. Риккерта, точнее, рассматриваемый им вопрос о том, что общего между нормами и ценностями (т.е. истиной, добром и красотой) и Г. Э. Лессинга, проводившего различие между логическими нормами и эстетическими ценностями. Кратко он писал о Г. Мюнстерберге (Münsterberg) и прагматизме У. Джеймса, поясняя, что “одна часть мира действует на другую – отсюда прагматизм. Эта реальность обусловливает ценность, а не наоборот” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 127].

Последний крупный фрагмент в рукописи Лаппо-Данилевского посвящен отношению оценки к суждению. Историк указывал на необходимость отличать суждения в грамматическом и логическом смысле. Он упоминал Т. Липпса, Р. Г. Лотце, Рейнбаха и Х. Зигварта и немного подробнее останавливался на И. Канте, который различал общезначимость (общеобязательную достоверность) суждения от убедительности в его истинности, обосновал различие связи между суждением и ценностью по модальности и по качеству. Модальность – степень ценности моего знания вообще. Качество – ценность (+ или –) содержания данного суждения.

Качество суждения можно рассматривать в объективном и субъективном смысле. Суждения в объективном смысле имеют либо логическое значение (утвердительные

и отрицательные суждения), либо аксиологическое значение (признающие и отвергающие суждения). Качество суждения в субъективном смысле и есть оценка (нравящееся суждение, противное суждение). “Под “истинностью” или “логичностью” суждения, – писал Лаппо-Данилевский, – мы разумеем *логическое и аксиологическое* его значение в положительном или отрицательном смысле. “Истинное” суждение такое, в котором мое “я” (разумное и другое) сознает свое единство; “ложное” – обратно” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 106]. В “чистом” виде суждение встречается в проблематических суждениях, а оценка – в отрицательных.

Гносеологическую точку зрения на суждения Лаппо-Данилевский излагал, опираясь на В. Виндельбанда, Х. Зигварта, Р. Г. Лотце и, подробнее всего, Г. Риккерта (Лаппо-Данилевский 1913–1914, 110–116; многочисленные ссылки на параграфы и страницы опускаются), а различие между суждением и оценкой, ссылаясь на У. Коха (Лаппо-Данилевский 1913–1914, 117). Взгляды философов на суждение и оценку, подводил Лаппо-Данилевский итог своим экскурсам, зависят от признаваемой ими теории познания. Так, Зигварт опирается на “психологизирующую т[очку] з[рения]”, Виндельбанд тоже “не свободен от психологизма”, а Г. Риккерт исходит из “формально-нормативной т[очки] зр[ения]” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 119].

По двум существенным вопросам философы также расходятся во мнениях. Во-первых, это вопрос о том, признавать ли проблематическое суждение суждениями? И. Кант, В. Виндельбанд и Г. Риккерт признают их суждениями, а Х. Зигварт и Г. Штёринг отрицают. Во-вторых, “связываются ли суждения вообще или, по крайней мере, утвердительное и отрицательное суждение с отнесением к ценности?” [Лаппо-Данилевский 1913–1914, 120]. В ответе на этот вопрос Х. Зигварт признает такую связь в отрицательных суждениях, В. Виндельбанд – в отрицательных и утвердительных, Г. Риккерт – в отрицательных, утвердительных и проблематических суждениях. Г. Штёринг связывает понятие о суждении с понятием о его значении или с состоянием уверенности (надежности).

Аксиологическая проблематика нашла отражение и в “Методологии истории” Лаппо-Данилевского. Исследователь прошлого не безразлично относится к источнику, который опосредованно отсылает к историческому факту, а волевым образом воздействует на него. С психологической точки зрения такое воздействие Лаппо-Данилевский называл оценкой [Лаппо-Данилевский 1910, 239]. Здесь же ученый делал важное замечание о том, что “следует всегда отличать отнесение к ценности от субъективной оценки фактов, производимой самим историком” [Лаппо-Данилевский 1910, 249]. Познание истории не сводится к субъективной оценке, на которую способен даже обыватель. Ученый-историк стремится соотнести факт к ценности и тем самым придать индивидуальному фрагменту реальности историческое значение. Ценность не противопоставляется субъективности, напротив, она характеризуется требованием, предъявляемым нашим “я” к собственному сознанию [Лаппо-Данилевский 1910, 239]. Лаппо-Данилевский полагал, что эти требования носят абсолютный характер и бывают познавательными, этическими или эстетическими [Лаппо-Данилевский 1910, 239]. Эти требования могут предъявляться к любому сознанию. “Историк лишь относит к ценностям индивидуальные объекты для выяснения того, какое значение приписать им, в силу именно их индивидуальности” [Лаппо-Данилевский 1910, 240]. Общие ценности ученый также сопоставлял с общими понятиями [Лаппо-Данилевский 1910, 240].

В “Методологии истории”, так же как и в курсе по теории ценности, Лаппо-Данилевскому не удалось до конца развести познавательную и психологическую установки в понимании ценности и оценки. Он говорит о “переживании” при отнесении факта к ценности. “Итак, – отмечал историк, – для того, чтобы признать всеобщее значение данного факта, надобно, прежде всего, признать его ценность; но такое признание получает разный смысл в зависимости от того, придерживаться ли теоретико-познавательной или психологической точки зрения. С теоретико-познавательной точки зрения мы называем “ценностью” то значение, которое сознание вообще приписывает

данному переживанию” [Лаппо-Данилевский 1910, 239]. Переживание вновь субъективизирует ценности, вводя их в ряд других проявлений осмысленной деятельности индивидуума. Благодаря переживанию, фактическая реальность перетекает в реальность символическую, реальность смыслов и значений. Полностью отказаться от индивидуальных предпочтений и субъективных пристрастий, конечно, невозможно. Историк в своем сознании все равно будет “переживать” те факты, которые изучает, воспроизводить в себе состояния чужого сознания или ассоциировать между собой идеи, т.е. “...ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т.п.” [Лаппо-Данилевский 1910, 7].

Историческое значение осуществляется через отнесение индивидуального исторического факта к ценности. Однако не следует смешивать ценность индивидуальности и ее историческое значение: “Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение” [Лаппо-Данилевский 1910, 238–239].

Познание истории как отнесение факта к ценности Лаппо-Данилевский называл “аксиологическим анализом”. Он отмечал: “Переживание и понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению” [Лаппо-Данилевский 1910, 244]. Однако не только историк-исследователь имеет дело с ценностями, но и изучаемые им индивидуальные сознания, люди прошлых исторических эпох также были способны оценивать ситуации, привносить в них смысл, обращаться к идеям и значениям. “Наконец, историк, в узком смысле слова, – писал Лаппо-Данилевский, – имеет дело (в отличие от естествоиспытателя) с такими индивидуальными объектами, которые он признает одновременно и субъектами, способными опознавать ценности, в отношении к которым данный факт получает свое значение” [Лаппо-Данилевский 1910, 241].

Установление ценностей, с которыми имеет дело историк, относится к ведению философии истории [Лаппо-Данилевский 1910, 241]. Философия обосновывает, прежде всего, ценности абсолютные, т.е. ценности добра, истины и красоты. “Действительно, – заключал Лаппо-Данилевский, – философское размышление стремится опознать критерий ценностей и обосновать их путем нормативных оценок: оно вырабатывает систему абсолютных ценностей, т.е. с логической, этической или эстетической точки зрения признает абсолютную ценность истины, добра и красоты; полагая их в основу, оно может указать, какое значение (положительное или отрицательное) данные в сознании людей известного времени ценности имеют по отношению к такой системе, какое место они должны занимать в ней и т.п.” [Лаппо-Данилевский 1910, 242].

Однако для историка, обращающегося в познании к конкретной действительности, важны не абсолютные ценности, а ценности культурные, т.е. конкретизированные, привязанные к месту, времени, определенной социальной группе [Лаппо-Данилевский 1910, 245]. Лаппо-Данилевский называет такие ценности общепризнанными [Лаппо-Данилевский 1910, 246]. Обоснованность же их может не быть данной для историка [Лаппо-Данилевский 1910, 244]. Общепризнанная ценность, как правило, имеет относительный характер: “Отнесение к обоснованной ценности требует обоснования той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличность ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком; общепризнанная ценность, значит, может не совпадать с обоснованной и в таком смысле признается лишь относительной” [Лаппо-Данилевский 1910, 244]. Ценность реализуется в деятельности разделяющей ее социальной группы (т.е. коллективной индивидуальности) в самой действительности. Это означает, что “понятие об общепризнанной ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт,

в котором она воплотилась, имеет последствий” [Лаппо-Данилевский 1910, 249]. Понятие об общепризнанной ценности, таким образом, связывает историческое познание с самой исторической действительностью.

Сохранившиеся записи “семинария” Лаппо-Данилевского по теории ценности почти не дают однозначных формулировок и с трудом позволяют эксплицировать собственную точку зрения ученого. Лаппо-Данилевский не случайно избрал историко-философский способ подачи материала. В этом сказалась не столько его историческая подготовка, сколько желание избежать догматизма. Материалы занятий Лаппо-Данилевского показывают, что для него самого в теории ценности оставалось много нерешенных вопросов, а сами занятия носили поисковый характер, критически рассматриваемый историко-философский материал побуждал к продолжению поисков. Именно к самостоятельному поиску истины приглашал Лаппо-Данилевский и своих учеников. Продолжением “практических занятий по аксиологии” в 1913–1914 гг. стал “семинарий” по критическому разбору главнейших учений о ценности в 1917–1918 гг. – один из последних курсов, которые вел Лаппо-Данилевский в Санкт-Петербургском университете.

Источники – Primary Sources in Russian

Гурвич 1916[а] – *Гурвич Г. Д.* Телеология в философской системе Германа Когена // Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 5–13. (Gurvitch G. D. *Teleology in Philosophical System of H. Cohen*. In Russian).

Гурвич 1916[б] – *Гурвич Г. Д.* Телеология в учении Риккерта // Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 14–14 об. (Gurvitch G. D. *Teleology in H. Rickert’s Science*. In Russian).

Кондратьев 1915 – *Кондратьев Н. Д.* Теория истории А. С. Лаппо-Данилевского. К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете. Пг., 1915. Т. 20. С. 105–124 (Kondratiev N. *Theory of History of A. S. Lappo-Danilevsky*. In Russian).

Лаппо-Данилевский 1910 – *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Выпуск I. СПб.: Студенческая издательская комиссия при Историко-филологическом факультете, 1910. 292 с. (Lappo-Danilevsky A. *Methodology of history*. In Russian).

Лаппо-Данилевский 1913–1914 – *Лаппо-Данилевский А.С.* О теории ценности // Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. 164 л. (Lappo-Danilevsky A. *On the Axiology*. In Russian).

Райнов 1915 – *Райнов Т. И.* О философских взглядах и педагогических приемах А. С. Лаппо-Данилевского (к 25-летию ученой деятельности) // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. LVI. Март. С. 44–57 (Rajnov T. *Philosophical Views and Educational Methods of A.S Lappo-Danilevsky (to the 25th Anniversary of Scientific Activities)*. In Russian).

Райнов 1940 – *Райнов Т. И.* Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. М.; Л., 1940 (Rajnov T. *Science in Russia (XI–XVII). Description on Prehistoric Science and Natural History View*. In Russian).

Ссылки – References in Russian

Берус 1998 – *Берус В. В.* Проблемы философии истории в русском неокантианстве: А. С. Лаппо-Данилевский: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998.

Долгова 2011 – *Долгова Е. А.* Документы Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923 гг.) // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 6. С. 135–142.

Долгова 2013 – *Долгова Е. А.* Документы о деятельности Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12. С. 67–70.

Илизаров 2013 – *Илизаров С. С.* Историк науки Т. И. Райнов – ученик А. С. Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. № 12. С. 50–54.

Малинов 2013 – *Малинов А. В.* А. С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8–16.

Voprosy Filosofii. 2017. Vol. 4. P. 170–180

Lecture Course of A. S. Lappo-Danilevsky *On the theory of value* (the experience of reconstruction)

Alexey V. Malinov

On the basis of the manuscript Academician Aleksander Sergeyevich Lappo-Danilevsky (1863–1919) "On the theory of value" tries to reconstruct the content and a structure of the proceedings of its St. Petersburg University in 1913–1914 years lessons of axiology. Lectures and seminars Lappo-Danilevsky built on historic-philosophical principles of presentation. Most of the attention paid scientist analysis of the axiological teaching of German neo-Kantian philosophy. Article anticipates the publishing fragments of the lecture course of Lappo-Danilevsky.

KEY WORDS: A. S. Lappo-Danilevsky, theory of value, axiology, neo-Kantian philosophy.

MALINOV Alexey V. – DSc in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University.

a.v.malinov@gmail.com

Received at May 14, 2016.

Citation: Malinov, Alexey V. (2017) "Lecture Course of A. S. Lappo-Danilevsky *On the theory of value* (the experience of reconstruction)", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2017), pp. 170–180.

References

Berous, Vitaly S. (1998) *The Problems of Philosophy of History in Russian neo-Kantian Philosophy: A. Lappo-Danilevsky*, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (in Russian).

Dolgova, Eugenia (2011) 'Documents Russian Sociological Society Named after M. M. Kovalevsky (1916–1923)', *Sociological studies (SOCIS)*, Vol. 6, pp. 135–142 (in Russian).

Dolgova, Eugenia (2013) 'The Documents on the Activities of Russian Sociological Society Named after M. M. Kovalevsky (1916–1923)', *Clio*, Vol. 12, pp. 67–70 (in Russian).

Ilizarov, Simon (2013) 'Historian of Science T. I. Rajnov – Student of A. S. Lappo-Danilevsky', *Clio,* Vol. 12, pp. 50–54 (in Russian).

Malinov, Alexey (2013) 'A.S. Lappo-Danilevsky – the First Chairman of the Russian Sociological Society Named after M. M. Kovalevsky', *Journal of Sociology and Social Anthropology,* Vol. XVI, no. 3, pp. 8–16 (in Russian).